

Где-то в лесном пространстве лежала хищница. Старая и неумолимая, она сотнями лет охотилась в этих туннелях. Как много существ погибло между этими челюстями? А как много было разорвано этими когтями? Это число слишком большое, чтобы иметь определённое значение. Оно неисчислимо.

В первое время, воспоминания о котором смутные и размытые, она охотилась с таким усердием, с такой яростью. Никто не мог спастись, попав в её лапы, никто не мог сбежать от её палящего дыхания. Многие пытались, могучие звери, старые короли, жирные и ленивые звери, довольные от управления своими крохотными участками, выходящие лишь для того, чтобы набить себе брюхо.

Они все были выслежены, вытащены из своих гнёзд и съедены, став топливом для вечного огня. Хищница становилась сильнее, могучее. Поначалу она наслаждалась этой силой, ища всё более сильную добычу, более великий вызов для себя, спускаясь всё глубже.

Но та, кто известна, как Гарралаш, выросла слишком сильной и слишком быстро. Когда пришёл зов, Гарралаш по началу не поняла, что это было. Это был исход, триумф! Её долгие годы борьбы, одинокой охоты, наконец принесли самые большие плоды! Признание могущества, бездонной силы, возвращенных перебитыми телами павших врагов.

Довольно скоро пришёл он. Не раньше, чем прибыло оповещение, её начало тянуть. Спускаться, спускаться, спускаться, спускаться! Каждый день, каждый час, каждую секунду тянул зов. Бесконечный зуд, который требовал, чтобы его расчесали.

Вначале это устраивало. Гарралаш хотела спуститься, хотела найти предназначенное ей место рядом с равными в центре этого мира. Однако когда она попыталась добраться туда ... преграды, помехи, ограждения. Не важно, куда она шла, по какой дороге, они всегда были там, отгоняя Гарралаш назад. Ограждения, через которые она не могла прорваться, защита, которая не поддавалась её атаке, воины, которые не боялись её клыков.

Они сражались, так много раз. Гарралаш убивала их, пировала над ними, однако никогда не могла прорваться, всегда вынужденная отступить.

А тяга. Она росла с каждым прошедшим мгновением, настойчиво дёргая до самого естества души. Спускаться, спускаться, спускаться. СПУСК, СПУСК, СПУСК!

Следом шло отчаяние, затем ярость. Сжигающая мир, палящая душу ярость. И всё же прорваться не выходило, Гарралаш не могла пробиться через солдат в чёрном. Они выслеживали, нападали и преследовали великую охотницу каждый раз, как она приближалась к их границам. Они выставили вокруг неё клетку и не важно, насколько отчаянной она становилась, зверь не мог сбежать из неё.

Затем пришло безумие.

Гарралаш немного передвинула своё массивное тело, заставив затрещать несколько деревьев, ломающихся об чешуйки. Это её раздражало, думать о том времени, когда её наконец охватило

безумие. Она рванула на баррикады, идя с атакой. Измученная и раненая, она столько многих убила, однако заплатила огромную цену. В итоге чёрные рубашки вывели своего чемпиона и у них была битва.

БУУМ!

Она сердито взмахнула своим хвостом, в один миг сметая полосу леса.

Человек был невероятно силён. Их битва шла часами, пока наконец одна из её рук не была отделена от её тела, тяжёлая рана вынудила её бежать. Что ещё хуже, тот голодный топор проклял её плоть, вызывая нескончаемую агонию и мешая отрастанию конечности.

И даже сейчас, спустя много лет, эффект проклятия сохранялся, тупая боль отказывалась утихать. Рука по прежнему не исцелилась полностью, несмотря на огромнейшие потраченные усилия.

Её дети смотрели на неё с расстояния. Она могла прочувствовать их, как они не решаются приближаться, зная об опасности радиуса её челюстей, когда её охватывает ярость. Неспособная сражаться, мучимая постоянной тягой своего ядра, она со всем усердием занялась взращиванием этих детей. Армии для помощи ей в прорыве ограждений и по крайней мере прохода глубже в Подземелье.

Она со всем усердием воспитала первые поколения, затем позволив своим детям передвигаться свободно, дав как следует попить на слабых монстрах верхних слоёв, прежде чем вернуться, дабы присоединиться к рядам её армии.

Она была готова ждать. Ждать, пока волна её крокодилий детей не будет подавляющей, прежде чем напасть на чёрные рубашки и не разорвать их на куски.

Однако произошла волна. Мана поднималась всё выше и выше, ослабляя болезненное иссушение её ядра и позволяя ей подниматься всё выше и выше в Подземелье, пока наконец она не была достаточно близко к поверхности, чтобы направить её детей из Подземелья, дабы изничтожить города людей, которые так долго перекрывали ей дорогу.

Мысли об этих людях, сокрушённых и поглощённых её детьми, переполняло её радостью. Она гадала, знали ли чёрные рубашки внизу, что она сделала? Плакали ли они? Скрежетали ли зубами, рыдая от ярости?

Она на это надеялась.

Смутная часть её задавалась вопросом, а не должна ли она испытывать скорбь за тысячи убитых ею. Возможно однажды она это и испытает.

Когда она с усердием достигала глубин своего разума, она могла припомнить о другом времени, когда она не была существом Подземелья, когда она была кое-кем другим, мягкой и розовой, уязвимой и слабой.

Она уже не могла вспомнить, были ли эти воспоминания сном или реальностью. Она смутно помнит свои первые года в Подземелье, страх, ужас, переполняющее волнение.

Но даже эти неполные воспоминания о более мягком мире и другой её не чувствовались мирными. Она могла вспомнить кровь, вспомнить свою руку без когтей, но с ножом. Она могла

